

УДК 343.21:343.8(47+57)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН, ОБРАЗОВАВШИХСЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. М. Сысоев

кандидат психологических наук, доцент,
начальник факультета профессионального обучения
и дополнительного профессионального образования
Академии ФСИН России (г. Рязань)

В статье анализируется влияние целей уголовного наказания на уголовно-исполнительное законодательство. Отмечая различные подходы к «переносу» целей уголовного наказания на уголовно-исполнительное законодательство, автор полагает необходимым рассматривать цели наказания как базовый элемент и уголовного-исполнительного права. В процессе исследования отражены основные тенденции определения целей наказания в некоторых странах, образовавшихся на территории постсоветского пространства, где в качестве целей выступают достижение общей и специальной превенции, исправление правонарушителя, а в ряде случаев и кара.

Ключевые слова: цели уголовного-исполнительного законодательства, цели наказания, исправление, восстановление социальной справедливости, общая и специальная превенция.

При рассмотрении уголовного закона в широком смысле как регулятора общественных отношений мерами государственного принуждения особый интерес представляет исследование целей наказания, устанавливающих ориентиры уголовного законодательства, определяющие направления его дальнейшего совершенствования, а также содержание деятельности правоохранительных органов в области противодействия преступности. Как отмечают исследователи, социальные нормы в большей степени, чем страх официального наказания, обеспечивают правопослушность, но, чтобы использовать силу социальных норм, уголовное право должно основываться на идеалах юстиции [1, с. 68], при этом само «свойство наказания вытекает из его природы и целей, им преследуемых» [2, р. 64].

Цель в сфере реализации права представляет собой планируемый конечный результат, то, к чему стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности. Однако и сама цель наказания, несмотря на ее историческую изменчивость, выступает важным элементом, который во многом определяет характер и содержание самого наказания. Определяя цель как особую форму знания, направленную на преобразование социальной действительности, изменение существующих общественных отношений, традиционно выделяют цель в праве как ориентир, закрепленный на нормативном уровне, определяющий характер деятельности, и цель в юридической практике как ориентир конкретного субъекта правореализационной деятельности.

Формирование позиции, что цель есть творческая сила всего права, обоснованной Р. Иерингом, способствовало развитию идеи о целеполагании в правовом поле: «Право есть понятие практическое, т. е. представляет цели, каждое представление цели по самой природе своей двойственно, ибо оно заключает в себе цель и средство» [3, с. 11]. Таким образом, право — это не продукт «общественного договора» и не саморазвивающийся объект, а продукт цели, служащий общественным отношениям, в котором цель определяет средство ее реализации.

Наказание, осуществляясь посредством мер, реализуемых механизмом государственного принуждения, что отмечается в ч. 1 ст. 43 УК РФ, в конечном итоге имеет свои цели, то есть предвидимый и желаемый результат, который должен быть достигнут на завершающем этапе, некий идеальный итог, свидетельствующий об эффективности мер принуждения. В этой связи заслуживает внимания позиция, в соответствии с которой цель уголовного наказания следует рассматривать в двух значениях: а) как фактор конструирования социальной или юридической системы (объективная цель); б) как конечный результат функционирования системы (субъективная цель) [4, с. 9]. Учитывая важность декларируемой цели наказания, неудивительно, что некоторые авторы (И. С. Ной, В. К. Дуюнов, А. Ф. Мицкевич, В. Н. Орлов) рассматривают цели наказания как его существенный признак и включают его в определение уголовного наказания. Доводами определения цели как признака наказания является тот факт, что именно цели позволяют ограничить данный институт от иных мер принуждения, а также то, что именно цель определяет средство [5, с. 49].

Учитывая вышеизложенное, особый интерес представляет соотношение целей наказания и целей, которые преследует уголовно-исполнительное законодательство. Согласно ч. 2 ст. 1 УИК РФ, уголовно-исполнительное законодательство имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами. Таким образом, законодатель в основном повторяет цели, закрепленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ, согласно которой наказание применяется для восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Восстановление социальной справедливости не было упомянуто как цель уголовно-исполнительного законодательства, так как, по мнению авторов УИК РФ, факт осуждения лица за совершенное деяние олицетворяет достижение указанной цели наказания, в то время как реализация таких целей, как исправление преступника и предупреждение совершения новых преступлений, достигается уже в процессе исполнения наказания [6, с. 15]. С этой позицией не согласен В. И. Селиверстов, который отмечает, что уголовно-исполнительное законодательство направлено на обеспечение достижения целей, закрепленных уголовным законодательством, включая и восстановление социальной справедливости, а следовательно, ее достижение должно обеспечиваться и в процессе исполнения уголовных наказаний [7, с. 15–16]. Профессор В. Е. Южанин также полагает, что цель наказания «восстановление социальной справедливости» должна отражаться в УИК РФ, связывает ее с реализацией кары, в ходе которой осужденный претерпевает все ограничения [8, с. 11]. Отметим, что указанная цель ввиду отсутствия ее толкования законодателем является весьма спорной и абстрактной, что приводит некоторых исследователей к выводу о необходимости ее исключения из целей наказания. Так, по мнению Л. Л. Кругликова, применение наказания с целью восстановления социальной справедливости является спорным ввиду как аморфности содержания и средств достижения цели, так и неконтролируемости результата из-за невозможности достижения указанной цели [9, с. 350]. Профессор И. Я. Козаченко, говоря о лицемерности понятия «восстановление социальной справедливости», предлагает заменить указанную цель на «восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего либо его близких людей» [10, с. 17], и эта позиция созвучна мнению М. Д. Шаргородского, который, рассматривая восстановление нарушенного права, отождествлял его именно с такой целью наказания, как достижение справедливости [11, с. 295].

Относительно соотношения целей уголовного наказания и целей уголовно-исполнительного законодательства имеются разные мнения. Существует устоявшееся мнение, что цель уголовного наказания должна достигаться в результате реализации только норм уголовного права, что связано с закрепленным в ч. 1 ст. 1 УК РФ императивным положением об Уголовном кодексе как единственном источнике отечественного уголовного

законодательства. Сторонники такого подхода полагают, что само рассмотрение целей уголовного наказания в качестве межотраслевого института уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального права фактически приведет к невозможности их достижения [12, с. 77]. Как видим, подобная точка зрения исходит из формального критерия.

Другая точка зрения исходит из диалектической логики и отождествляет понятия целей наказания и целей уголовно-исполнительного законодательства, определенных в ч. 1 ст. 1 УИК РФ [13, с. 170]. Подобный подход разделяет и автор представленной работы.

Как уже отмечено выше, цель любой деятельности — это ее конечный результат, а закрепление целей наказания в уголовном законодательстве предполагает их достижение не только в процессе назначения наказания, но и в процессе реализации такового. Уголовное право, являясь материальным правом, определяет развитие, цели и задачи права процессуального, к какому (несмотря на лексическую тождественность с уголовно-процессуальным) мы относим и право уголовно-исполнительное. Исходя из такого подхода, сопоставление целей наказания и целей уголовно-исполнительного законодательства как основы деятельности пенитенциарной системы представляется обоснованным решением.

Сравнительный анализ целей уголовного и пенитенциарного законодательства зарубежных стран представляет особый интерес ввиду выявления тенденций развития в данной сфере, а также определения перспективных средств достижения целей наказания в процессе его исполнения. Отметим, что для большинства стран ближнего зарубежья, образовавшихся после распада СССР, пока еще характерно как определение целей уголовного наказания в соответствии с Модельным уголовным кодексом для государств — участников Содружества Независимых Государств, так и незначительные отклонения в пенитенциарном законодательстве этих стран, что объясняется общим историческим прошлым, устоявшимися связями, в том числе и в правовой сфере. Так, согласно ч. 2 ст. 45 Модельного УК СНГ, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами. Схожим образом сформулированы и цели уголовного наказания в Уголовных кодексах Азербайджана (ч. 2 ст. 41), Армении (ч. 2 ст. 48), Казахстана (ч. 2 ст. 38), Молдавии (ч. 2 ст. 61), Таджикистана (ч. 2 ст. 46), Туркменистана (ч. 2 ст. 43). При этом, несмотря на перечисление указанных целей, в ряде случаев отмечается изменение порядка их приоритета. Так, согласно ч. 2 ст. 63 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, вступившего в силу с 1 января 2019 года, целями наказания являются исправление и ресоциализация правонарушителя, предупреждение совершения новых преступлений, восстановление социальной справедливости.

В законодательстве стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, встречаются и различия в определении целей наказания. Например, в уголовном законодательстве Республики Беларусь отсутствует упомянутая ранее цель — «восстановление социальной справедливости». Согласно ч. 2 ст. 44 УК Беларуси, уголовная ответственность имеет целью исправление лица, совершившего преступление, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. Отметим, что подобный подход законодательно оправдан ввиду различного понимания такого неопределенного понятия, как «социальная справедливость», которую с позиции естественного права можно определить как соразмерность наказания тяжести совершенного деяния, а с позиции неоклассического направления уголовного права указанный термин рассматривается как олицетворение возмездия или кары.

Другим несомненным достоинством, отражающим соотношение целей уголовной ответственности и уголовно-исполнительного законодательства, является формулировка ч. 1 ст. 2 УИК Республики Беларусь, согласно которой уголовно-исполнитель-

ное законодательство исходит из целей уголовной ответственности и имеет своими задачами регулирование исполнения и отбывания осужденными наказания и иных мер уголовной ответственности, определение средств достижения целей уголовной ответственности и социальной адаптации осужденных в процессе ее реализации, защиту прав и законных интересов осужденных. Таким образом, законодатель страны определяет уголовное законодательство как базовое для уголовно-исполнительного, которое является «специальным», что логично и обоснованно. При этом наряду с целями уголовной ответственности законодатель особо выделяет и две «специальные» (социальная адаптация, защита прав и законных интересов осужденных), тем самым расширяя список целей.

В некоторых национальных законодательствах в качестве цели наказания закреплена кара, которая выступает как форма реализации возмездия. Так, в ч. 2 ст. 35 Уголовного кодекса Латвии в качестве целей наказания определена кара виновного лица за совершенное преступное деяние, а также достижение соблюдения законодательства и удержания от совершения преступных деяний как самим осужденным, так и иными лицами. Цель исправления правонарушителя не ставится ввиду того, что, по мнению законодателя, она достигается в ходе осуществления превентивной деятельности, что представляется логичным.

Расширительное толкование понимания целей наказания определено в Уголовном кодексе Литовской Республики, где, согласно ч. 2 ст. 41, целями наказания являются: 1) удержание лица от совершения преступных деяний; 2) наказание лица за совершенное преступное деяние; 3) лишение или ограничение возможности осужденному лицу совершать новые преступные деяния; 4) воздействие на отбывших наказание лиц с целью соблюдения закона и воздержания от совершения новых преступных деяний; 5) гарантия осуществления принципа справедливости. Как видим, наряду с признанием в качестве целей наказания кары (наказать лицо за совершенное преступное деяние) и превенции упомянута реализация принципа справедливости, который в уголовном законодательстве Литвы раскрытия также не получил.

В рамках рассмотрения целей наказания прибалтийских государств нельзя не отметить законодательство Эстонской Республики, где цели наказания или уголовной ответственности самостоятельно не определяются, однако, согласно ч. 1 ст. 56 Пениitenciарного Закона (вступил в силу 01.09.2002 г.), при назначении наказания судом или учреждением, ведущим производство во внесудебном порядке, учитывается возможность оказания на виновного воздействия с целью его отказа от совершения виновных деяний в дальнейшем и интересы охраны правопорядка. При этом в ст. 20 Конституции Эстонской Республики установлено, что человек может быть лишен свободы только в случаях и в порядке, установленных законом: как для исполнения обвинительного приговора или ареста по назначению суда; в случае неисполнения распоряжения суда или для обеспечения исполнения обязанности, установленной законом, и т. д., а также для предотвращения совершения преступления или административного правонарушения, что свидетельствует о понимании особой роли специальной превенции.

Между тем, возвращаясь к упоминанию карательных начал в целях наказания, следует отметить уголовное законодательство Украины, которое повторяет цели наказания советского законодательства: в ч. 2 ст. 50 УК Украины указывается, что «наказание имеет целью не только кару, но и исправление осужденных, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами» [14, с. 124]. Интерес представляет и тот факт, что в ч. 1 ст. 1 УИК Украины такая цель, как кара, отсутствует, но отмечены три цели, а именно: 1) защита интересов лица, общества и государства путем создания условий для исправления и ресоциализации осужденных; 2) предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими

лицами; 3) предупреждение пыток и нечеловеческого или унижающего достоинство обращения с осужденными.

Следует отметить, что признание кары в качестве основной цели наказания является исторически устойчивым явлением, которое имеет свои доводы. Так, А. Е. Наташев утверждал, что содержанием наказания является кара, и обосновывал это следующим: в зависимости от вида и меры наказания причиняет человеку в том или ином объеме физические или моральные страдания; имеет принудительный характер, то есть применяется к лицу вне зависимости от его воли и, как правило, вопреки его желанию; ассоциируясь в сознании человека как нежелательное последствие преступления, способно удерживать его от противоправных деяний; как следствие совершения осуждаемого деяния имеет порицающий или позорящий характер; являясь страданием за «вину», может выступать как ее «искупление»; в какой-то мере удовлетворяет чувство потерпевшего и окружающих как выражение социальной справедливости [15, с. 8].

Несомненно, в ходе дальнейшей эволюции правовой мысли, несмотря на исторически сложившиеся связи стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, произойдет изменение приоритетов в сфере уголовно-правовой охраны общественных отношений, в том числе и в области определения целей наказания, которые во многом обусловлены социально-экономическими реалиями, ориентирами правящих элит, а также глобализационными процессами, ведущими к рецепции правовых норм. В этой связи представляет интерес развитие международного законодательства, которое хотя и носит рекомендательный характер, но во многом определяет цели и основные направления деятельности уголовно-исполнительной системы. Так, согласно п. 4 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, цели лишения свободы определяются как защита общества от преступника и сокращение рецидива, а достижение этих целей напрямую связано с обеспечением реинтеграции таких лиц в общество после их освобождения, чтобы они могли вести законопослушный и самостоятельный образ жизни [16]. Такое понимание целей наказания, равно как и ожидаемого от него эффекта, где акцент при его реализации делается не на возмездие за проступок или абстрактное восстановление нарушенного права, а на защиту общества путем «некарательного», но «исправительного» воздействия на преступника, соответствует основным положениям доктрины новой социальной защиты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. — М. : Добросвет-2000 : Городец, 2000. — 464 с.
2. Robinson, P. H. Crime, punishment and prevention / P. H. Robinson // *The Public Interest*. — 2001. — Vol. 142. — P. 61–71.
3. Иеринг, П. Борьба за право / П. Иеринг. — М. : Типография Грачева И. К., 1874. — 77 с.
4. Темирханов, М. А. Цели уголовного наказания и процесса наказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. А. Темирханов ; Акад. ФСИН России. — Рязань, 2014. — 22 с.
5. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав отбывания : монография / В. Н. Орлов. — М. : Юстиция : Университет им. О. Е. Кутафина, 2014. — 288 с.
6. Шмаров, И. В. Цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации / И. В. Шмаров // *Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации*. — М. : Вердикт-1М, 1997. — 430 с.
7. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснование теоретического моделирования / под ред. проф. В. И. Селиверстова. — М. : ИД «Юриспруденция», 2017. — 328 с.
8. Южанин, В. Е. О ресоциализации осужденных как цели процесса обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы / В. Е. Южанин // *Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление*. — 2015. — № 32. — С. 9–15.
9. Уголовное право России. Часть Общая : учебник для вузов / Р. Р. Галиакбаров [и др.] ; под ред. Л. Л. Кругликова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 592 с.

10. Козаченко И. Я. Уголовно-правовая калькуляция цели уголовного наказания / И. Я. Козаченко, Е. Б. Козаченко // Наказания в условиях гуманизации уголовной политики России : сб. материалов межведомственного науч.-практ. семинара / ВИПЭ ФСИН России. — Вологда, 2011. — С. 5–19.
11. Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность / М. Д. Шаргородский // Избранные труды / М. Д. Шаргородский. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 657 с.
12. Лапшин, В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости / В. Ф. Лапшин // Журнал российского права. — 2018. — № 5. — С. 75–85.
13. Наумов, А. В. Эффективность уголовно-правового, уголовно-процессуального, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности как реализации и взаимосвязь функций (целей, задач) их отраслевых правовых установлений / А. В. Наумов // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности : материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. — М. : Юрлитинформ, 2020. — С. 164–171.
14. Уголовный кодекс Украины: научно-практический комментарий / отв. ред. Е. Л. Стрельцов. — Харьков : Одиссей, 2010. — 904 с.
15. Наташев, А. Е. Советское исправительно-трудовое законодательство. Основные вопросы теории и практики / А. Е. Наташев. — М. : ВНИИ МВД, 1975. — 168 с.
16. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными [Электронный ресурс] : приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 дек. 2015 г. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/1305346/#ixzz62iH8b2N0>. — Дата доступа: 20.12.2020.

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

Контакты: sam3110@rambler.ru (Сысоев Александр Михайлович)

Sysoev A. M.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE GOAL-SETTING OF THE CRIMINAL AND PENAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE COUNTRIES FORMED IN THE POST-SOVIET SPACE

The influence of the goals of criminal punishment on the penal legislation is analyzed in the article. The author thinks it is necessary to consider the goals of punishment as a basic element of criminal-executive law, noting different approaches to the «transfer» of the goals of criminal punishment to the criminal-executive legislation. The main trends in determining the goals of punishment in some countries formed in the territory of the post-Soviet space, where the goals are the achievement of general and special prevention, the correction of the offender, and in some cases, the punishment, were considered in the process of research.

Keywords: *goals of the penal legislation, goals of punishment, correction, restoration of social justice, general and special prevention.*